

Коробенкова, Н. За честное имя / Н. Коробенкова // Бичурский хлебороб. – 2009. - №86-87 (30 октября). – С. 3.

За честное имя

Иванов Куприян Кузьмич
(1887-1931 г.г.)

В ТОТ ДЕНЬ 14 октября 1996 года, когда была поставлена точка в рассказе 76-летней Нины Куприяновны Белых, Бичурский районный суд рассмотрел в открытом судебном заседании ее дело, которое в официальных документах именовалась так: «Об установлении факта конфискации имущества, объявлении умершим отца, установлении факта родственных отношений». Сколько драм скрыто за одной этой формулировкой!

В толстых папках, именуемых «Дело №...», – множество необходимых документов. Некоторые из них дошли до нас из далеких 20-30-х годов, и они зримо воссоздают колорит того непростого, противоречивого времени. Впрочем, а было ли оно когда «непротиворечивым» – время? В годы, предшествующие коллективизации и в саму коллективизацию, увы, не признавали полутонов. И делились люди на правых и неправых, чистых и нечистых. С клеймом врага народа умирали отцы, с клеймом жили дети, пока государство не реабилитировало безвинных.

Итак, Нина Куприяновна Белых, внучка бичурского купца Кузьмы Елифановича Иванова, дочь раскулаченного торговца Куприяна Кузьмича, тоже собрала необходимые документы, касающиеся отца. Вот строки некоторых из них, написанные в разные годы.

«Иванов К.К. – крупный торговец до 25-го года, имел свою лавку».

«Заседание Малетинской райтройки по выселению кулацких хозяйств объявляет Иванову К.К. пять лет высылки и два года лишения свободы с конфискацией имущества».

«Иванов К.К., 1887 года рождения, арестован 5 марта 1930 года. 31 июля 1930 года заседанием тройки при ПП ОГПУ ДВК по внесудебному рассмотрению осужден по ст. 58-2 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы с содержанием в концлагере».

«По справке МВД Иванов К.К. содержался в Читинском ИТД, затем был расстрелян». «... реабилитирован 17 мая 1990 года».

Нет, не только за причитающуюся по закону компенсацию хлопочут сегодня постаревшие дети репрессированных, но и за честное имя отца. И свое тоже.

НАШ РАЗГОВОР с Ниной Куприяновной Белых начался с ее вопроса ко мне: «Помните ли вы белое каменное здание милиции в Бичуре?». Ещё бы не помнить! В войну мы с мамой жили по улице Ленина, через дом от этой милиции.

Полуметровые каменные стены, аркообразные окна, почему-то напоминавшие мне бойницы (может, потому, что они были очень высоко над землей), крутые ступени с улицы.

Во дворе была тюрьма, мрачное серое, тоже каменное здание. Высокий глухой дощатый забор скрывал территорию тюрьмы от людских глаз. Всё это в самом центре Бичуры, там, где сейчас выросли кирпичные трехэтажки, а рядом старообрядческая церковь.

«В этом доме, – рассказывает Нина Куприяновна, в девичестве Иванова, – был магазин моего деда, а позже отца.

С этого дома в 20-30-е годы начались все наши беды. Сначала о дедушке, Кузьме Елифановиче Иванове. Рассказывают, это был один из первых бичурских купцов начала века. По его собственным шутливым признаниям разбогател дед... со вшей. А было так. Жил он, как многие, ни бедно, ни богато. На семь лет оторвали его от семьи: служил в армии. Там научился часовому делу и стал часовых дел мастером. Оказался как-то в Монголии, а монголы очень любили часы. Отбоя от заказов не было. Слава пошла о нем по округе. Но случилось и так: откроет заднюю крышку часов, а там, извините, вошь, а то и не одна. Такую неисправность, как вы понимаете, устранить было совсем просто. Ну, а если серьезно, сколотил Кузьма Елифанович небольшой капитал, приехал в Бичуру и поставил деревянный дом, связь.

Дед был трудолюбивый и предприимчивый. Вскоре во дворе появилась мыловарня. Я хорошо помню ее. Посредине просторного, невысокого помещения – огромная круглая чаша. И занялся дед мыловарением. Тогда он был еще, конечно, не дед, а в самой силе. Брался за разные ремесла: выделывал кожу, чернил овчины.

Скажете, как всё это обходилось без работников? Ну, во-первых, трудилась вся семья, а, во-вторых, было два работника. Держали бедного безродного литовца (не знаю, как он сюда попал) и молодую женщину с ребенком, Алену. Она была и нянька, и стряпка, и приемная дочь. Через нас и Алена пострадала.

Когда нашего отца раскулачили и арестовали, и ее выбросили из дома в баню.

Все это будет позже. Дед учил своего сына, моего отца, отдал его в Кяхтинскую гимназию. А пока строил каменный магазин. Соединили его с домом крытым переходом, верандой, сделали деревянный пристрой к магазину. Дверь двойная (воровство, надо сказать, было – некоторые семьи, не раз пострадавшие от воров, покидали родную землю, уезжали в необжитые места). Наружная дверь – железная. Ставни тоже железные. Под магазином – просторный погреб, а во дворе склад из серого камня. Магазин снаружи поштукатурен, а склад нет. Все строилось на века. Уже в наши дни, кажется, в 1975 году, когда рушили это здание, ничем не могли взять: такая крепость!

У деда были связи с кяхтинскими купцами. Со знакомым купцом он стал ездить в Монголию. Привозил оттуда мануфактуру: шелк, далембу, а также

чай, спички и топленое масло в небольших круглых чашках. Моя мама, Марфа Романовна, вспоминала: колешь его, куски отлетают, звенят. В магазине, который потом перешел в наследство отцу (он был единственным сыном), продавали всё, начиная от веревок, соли, больших, в ладонь, пряников в форме конька и кончая атласом, кашемиром. Земледелием в семье занимались только для себя. И скота держали немного. Главным делом была торговля. Я деда не помню, но люди говорят, он был хороший человек.

Нескольких сирот пригрел, вырастил и замуж выдал (даже имена помнят: Марья, Наталья). Ключи от амбаров, магазина доверял всем. И еще было у него правило: что сам ест, чтоб то же ели и все. Дед Кузьма был божественный. Тогда своего попа в Бичуре не было и раз или два в год привозили старообрядческого священника из Москвы. Он справлял службы: крестины, отпевания, венчания. Квартировали священники у нашего деда Кузьмы Епифановича. Это рассказывали старики.

ТЕПЕРЬ ОБ ОТЦЕ, Куприяне Кузьмиче Иванове. Я помню его, мне было 13 лет, когда его не стало. Он был красивый, но рисковый. Любил жизнь, женщин обожал и, что греха таить, смолоду нарушал старинный завет семейских – не курить. Бывало, где-нибудь в поле или на сенокосе уйдет подальше, а старухи ворчат: «Опять Купка убежал табак жрать».

Кто знает, где он этому научился. Сохранился снимок 1908 года. Он стоит, опершись о высокий столик на тонких гнутых ножках. Из-под пиджака на жилетке видна цепочка от часов. На пальце – печатка. Лихо закручены усы. Носил бородку. Берегу я и последнюю фотографию, сделанную за три года до расстрела, в 1928 году. Ему 40 лет. Таким он остался в моей памяти.

Отец и мама торговали сами. По торговым и житейским делам общались с бичурским купцом – евреем Гороховским. У того было несколько магазинов. Один на месте нынешнего универсама, другой и по сей день служит людям, тоже белое каменное здание в центре Бичуры (в настоящее время магазин «100 мелочей»). Это была добрая семья. Бабушка Гороховская была мастерица стряпать. Настряпает, бывало, каких-то особых городских печенюшек, посадит меня на колени и угощает. Кажется, в смутные годы они вовремя уехали в Иркутск.

Магазины работали и в первые годы Советской власти, в годы НЭПа. Но НЭП быстро кончился, тучи сгустились. Отец, как мне кажется, не был во вражде ни с белыми, ни с красными. Товары мог дать под запись, особенно перед Пасхой и Рождеством. У кого не было денег, рассчитывались зерном и мукой. Опять же со слов людей, дважды его садили, и дважды заступничество мира вызволяло из тюрьмы. Везло-везло да и вывезло...

Забрали его весной тридцатого года. Из читинской тюрьмы передал единственную записку: «Дорогая жена Марфа Романовна! Надежды вернуться нет никакой. Сходи к Гурию Изотовичу, чтобы он взял на опеку дочь. Добра вам не ждать».

ГУРИЙ ИЗОТОВИЧ Иванов – это муж моей тетки, маминой сестры Варвары Романовны. Он коммунар, первый тракторист Бичуры. Это он пригнал в 1928 году из Петровского Завода первый трактор в коммуну «Безбожник». Под его

крыло и пытался отец спрятать меня, уберечь от преследований. Моего брата Тимофея, который тогда работал счетоводом в колхозе «Ленинский путь», сразу после отца тоже арестовали.

Увезли в Читинскую область на Черновские копи. Не знаю, сколько он отсидел, но в Бичуру не вернулся. Остался в тех каторжных краях, на Кадае. Его приняли бухгалтером на шахту. Он был грамотный. В свое время поступил учиться в Иркутск на горного инженера.

По доносу из Бичуры его «за сословную принадлежность» исключили из заведения. Жил он в Кадае до нового ареста, уже в тридцать седьмом году. Осталась жена Мария, сын Борис, дочь Эмма. Тимофей как в воду канул.

Ему было 25 лет. И лишь после смерти Сталина узнали мы, куда его закинула судьба. Рассказал нам об этом, мне и моему мужу Якову Ивановичу, Роман Савельевич Утенков, вернувшийся после многих лет тюрьмы с Колымы. Там они встретились. Горе мыкали вместе. Роман Савельевич рассказывал и плакал. Вспоминал, как долбили мерзлую землю, как голодали. Однажды ночью зашло начальство в барак. Зачитали список, человек 15. Сказали: «Забирайте шапки». Брат мой попал в этот список. Заключенные уже знали: если не одеваться, а только «забирайте шапки», значит, не вернутся.

Так оно и вышло. Расстреляли.

Меня после ареста отца выгнали из школы. Не хочу называть имя активистки: у нее дети и внуки остались. Она сказала: «Больше в школу не ходи». Ребятишки окружили: «А почему ей в школу не ходить?» Ответ: «Кулакам в школе места нет». Я ещё приходила несколько дней. Дети на урок, а я в коридоре за печкой стою, плачу.

Нас выселили из дома, в Бичуре приютила нас соседка, беднейшая из беднейших, бабушка Марфа Авдюшиха. Наварит меленькой, как корольки, желтой картошки: «Ешьте, что Бог послал».

Маму тоже после ареста отца дважды садили в тюрьму, но вскоре выпускали. А когда отец прислал ту записку, пошла мама тайно, ночью, в Безбожник к своей родной сестре Варваре Романовне и ее мужу Гурию Изотовичу. Связь с нами была опасна для них. Маме запретили встречаться с сестрой. Кстати, в музеях Кяхты и Читы есть фотография сестер – мамы и моей тети Варвары, и подпись: «Зажиточные бичурянки».

Назавтра дядя Гуря, добрая душа и смелый человек, пошел куда-то (в НКВД или в сельсовет, не знаю), и ему сказали, чтобы связи с нашей семьей никакой не было, но меня взять разрешили. Росла я вместе с детьми Гурия Изотовича и Варвары Романовны. К маме ходить было нельзя, а мы же скучали. У нас с ней никого больше не осталось. В один прекрасный день собираюсь из Безбожника в Бичуру, а дорогой ко мне подстроилась женщина. Потом мы узнали: она следила, не общаемся ли мы с мамой. Мама так и жила у бабушки Авдюшихи. Увидала меня в раскрытое окно (лето было): «Доча, иди ко мне!». А злодейка-попутчица: «Ей нельзя. Не ходи», – это уже мне. Перекинулись мы несколькими словами, и я вернулась в Безбожник. Иду, слезы глотаю. А наутро Гурия Изотовича – в райком партии. Узнала я об этом, расплакалась и решила: «Уйду к маме, будь что

будет». Людей подвела и самой горе. Соединились мы, а тут нас в ссылку на Камарчагу. Мы об этом узнали от добрых людей. И не стали ждать, когда придут, Камарчага – гиблое место. Мама быстро приготовилась к побегу. По Хилку сплавляли плоты до Верхнеудинска, в том числе от Кирети.

Нашла она этих бичурских мужиков:

- Возьмите нас.
- А если обнаружат?
- Что-нибудь соображу.

А что сообразишь? В Хилок головой?

- Ладно, приедете в Киреть, но только ночью, чтоб ни душа не видела. Плоты там будут готовые.

Долго рассказывать как скрывались день в амбаре в Кирети у знакомых (добрые люди везде есть), как плыли несколько дней. В Верхнеудинск ехать опасно. Сошли в какой-то деревне (мама знала, в какой). Меня оставила на берегу. Ночь. Страшно. Короче говоря, после долгих мытарств добрались мы до села Исток Баргузинского района. В Истоке было много бичурских ссыльных.

Там жил наш дед Оленников Роман Миронович, отец моей матери. Прошло какое-то время. Вроде волна арестов утихла. Домой охота. Вернулись мы в Бичуру, а тут подоспел 37-38-й год. Тогда-то забрали вторично Тимофея, и уже навсегда, а нам дали «путевку» на ссылку. Паспорта отобрали. Лишь маме дали какую-то розовую корочку. Про отца дошли слухи, что он в числе других «подельников» расстрелян в Чите в 1931 году.

Много видели мои глаза. Помню, как приютила нас в Бичуре одна семья. У них детей полон дом. Но вот мельница была. Тогда по одной Бичуре наверно 10 мельниц стояло. Старших забрали, пришли выселять семью. Подогнали дроги, большие, двумя лошадьми запряженные. Пятеро ребятишек на печке. Мать к ним залезла. Все плачут. Ей кричат: «Слезайте!» Она: «Никуда я не поеду, ни в какую Камарчагу». Начали снимать силой с печки и на телегу... В ВОЙНУ мы жили в Бичуре. Я работала в уполминзаге. Была у меня одна отцовская вещь: золотой браслет. Как мы его сохранили во всех передрыгах, не знаю. Этот браслет да фотографии отца и брата, как талисман. Доложил кто-то.

Вызывают в райком партии. Так и так, мол, война идет, фронту помощь нужна. Говорят, у вас есть такая-то вещь.

«Есть», – говорю. – «Сдать надо в фонд обороны». Я говорю: «Не знаю. У меня мама есть. Я спрошу». «Подумайте, завтра вызовем».

Разговаривали спокойно, на голос не нажимали. Пришла домой, маме рассказала. Она: «О господи! Отдай, доча».

Сдала я в банк браслет. Хорошо, если он пригодился для фронта. Не жалко. Но есть сомнение, потому что квитанцию мне не дали, а попросить я побоялась.

Только напечатали в газете «Ленинский путь» заметку под заголовком «Золотой браслет – подарок в фонд обороны».

Долго берегла эту газетку, да с переездами потеряла. (Я нашла эту газету в национальном архиве в тощей подшивке районной газеты за 1942 год. - Авт.). Дома нашего давно нет, а в бывшем магазине были сельсовет и автошкола, редакция и военкомат, милиция и торгсин (магазин, где скупали золото. Торгсин – это торговля с иностранцами). Еврей Бронштейн здесь закупал дичь и пушнину. Да, чуть не забыла. И прокуратура была. Работал тут как-то прокурор Иванов. Сродни нам немного. Всё говорил мне: ты можешь вернуть имущество.

Давал адрес, куда писать в Москву. Я дома с мужем Яковом Ивановичем посоветовалась. Он партийный, не согласился: «Меня сразу исключат». Однажды к Иванову захожу по какому-то делу, а он мне: «Ну что, пришла меня выгонять». Горько так пошутил.

Это я об отце и дедушке по отцовской линии рассказала. По материнской родне тоже топор прошелся. Расстреляли первого коммунара Гурия Изотовича, приютившего меня. Попал под репрессии и отбывал в Игарке брат матери, Давыд Романович. Но это уже другая история».

**Записала Нелли Коробенкова,
наш внешт. корр.**

P.S.: Родственникам опальных Ивановых пришлось отстаивать Родину в Отечественной войне, восстанавливать разрушенное хозяйство, а сегодня - укреплять пошатнувшуюся мощь державы.

Назову лишь одно имя - Леонид Яковлевич Белых, внук Куприяна Иванова, генеральный директор ОАО “Улан-Удэнский авиационный завод”. Он по праву вошел в золотой список “Лучших людей Бурятии”, выбранных народом.